

история первой любви
Солнце на закате

*Солнце на закате — это не конец. Это
обещание нового дня.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДИАНА КИПРА

18+

Диана Кипра

Солнце на закате

<https://litres.ru/74108384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли забыть первую любовь? Наверное. Но вряд ли.

Даре Солнцевой шестнадцать. Она учится в школе искусств и мечтает о большом будущем. Её брат Свят — главная опора в жизни, он заменил ей отца.

Всё меняется, когда появляется Максим Богомолов — дерзкий байкер и давний соперник Свята. Одна случайная встреча запускает цепочку событий, которых никто не мог предвидеть. Искра между ними перерастает в пожар. Первая любовь, тайное пари, гонка на мотоциклах — и одна ночь, разделившая жизнь на «до» и «после».

Дара улетает в Канаду, пытаясь забыть того, кто разбил ей сердце. Шесть лет спустя она — известная художница. Её выставка открывается в Москве. В главном зале — картина «Два мотоцикла на закате». И однажды на пороге галереи появляется тот, кого она пыталась забыть.

Их молчание длилось шесть лет. Но первая любовь не умирает. Она становится частью тебя: твоей болью, твоей силой, твоим искусством.

Солнце на закате — это не конец. Это обещание нового дня.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Крошка	6
Богомоллов Максим	17
Глава 2. Чужой	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Диана Кипра

Солнце на закате

Пролог

Можно ли забыть первую любовь?

Наверное. Но вряд ли.

Я не знаю, сколько лет прошло с момента нашей последней встречи. Стою, рассматриваю картины. Вокруг куча людей, фотографов. Московская галерея, переполненная моими работами. Каждый пытается поговорить, взять автограф. Свет софитов ослепляет, но я уже привыкла. За годы карьеры, выставок по всей Европе моё имя знают миллионы. Дарина Солнцева.

Я прохожу через анфиладу залов, рассеянно кивая гостям. «Ранний период», «Канадский цикл», «Возвращение» — таблички сменяют друг друга. И вдруг останавливаюсь.

Передо мной — она.

«Два мотоцикла на закате».

Два байка стоят на пустынной трассе. Один — чёрный, матовый, тяжёлый, слегка накрённый, будто замер в попытке обогнать. Второй — серебристый, стремительный, уходящий вдаль. А за ними — солнце. Огромное, оранжево-алое, наполовину утонувшее за горизонтом. Его послед-

ние лучи цепляются за хром, за кожу сидений, за пыль, поднятую колёсами. Ещё минута — и оно исчезнет.

Я написала её шесть лет назад. В Ванкувере. В первую годовщину.

Посетители скользят мимо, читают табличку: «Два мотоцикла на закате. Дарина Солнцева. Холст, масло». Кто-то видит просто красивый пейзаж. Кто-то — романтику дороги. И лишь я знаю: это картина о прощении. О том, как трудно отпустить. О том, что даже самая жестокая гонка когда-нибудь заканчивается. И солнце садится — не чтобы умереть, а чтобы взойти снова.

Я стою перед холстом и чувствую, как прошлое дышит в затылок. Как оно терпеливо ждало все эти годы, чтобы я повернулась к нему лицом.

Только так было не всегда.

Когда-то я была нестерпимым, несносным подростком с большими мечтами... но с разбитым сердцем. Сердце так и не зажило, зато мечты сбылись.

Глава 1. Крошка

Если вернуться в далёкий 2009 год...

Весна ворвалась в город запахом мокрого асфальта и тополиных почек. За окном темнело. Мама гремела посудой на кухне, а мы с братом сидели перед телевизором. Экран мерцал холодным светом — вампир Валик подкрадывался к очередной жертве. Я вжалась в диван, натянув плед до подбородка.

— Мелкая, ты чего? — Свят покосился на меня и хмыкнул. — Это ж бутафория.

— Не бутафория, а грим, — прошептала я. — И мне страшно.

Он потянулся к пульту и прибавил звук. Вот же гад.

Святослав Солнцев. Девятнадцать лет. Первый курс университета, боксёр, футболист и мой личный источник вечных подколов. После ухода отца он стал главным мужчиной в доме — и вёл себя соответственно. Защищал, воспитывал, бесил. Я души в нём не чаяла.

— Ужинать! — голос мамы перекрыл звук телевизора.

Я вылетела из комнаты быстрее, чем вампир Валик успел обнажить клыки. Свят расхохотался на весь дом.

— Опять пугал сестру? — мама улыбнулась, расставляя тарелки.

— Ага. Дуреха в шестнадцать ведёт себя, как в пять.

— А ты в свои девятнадцать ничуть не умнее, — буркнула я в ответ.

— Ну подумаешь, боюсь. Сам ведь пугаешь.

Мы сели за стол. Мама приготовила салат с гранатовыми зёрнами и грецким орехом — мой любимый — и блинчики с ветчиной и сыром. Пахло топлёным маслом, уютom и домом. Тем самым, которого нам так не хватало последние годы.

— Вкусно, мам, спасибо. Я побегу.

— Опять к своим девочкам? Определился бы уже.

— Мам, мои девочки — это вы, — он чмокнул её в щёку. — А то, что я не могу выбрать между двумя Олями, — ерунда. Честно? Ни одна не нужна.

— Смотри, какой донжуан, — я фыркнула. — Не жалко твоих Оль? Так ведь обеих зовут?

— Дар, я никому ничего не обещал. Погуляю и успокоюсь, — Свят подмигнул и скрылся за дверью.

— Оболтус, — выдохнула мама.

Я помогла убрать со стола и ушла к себе. На мольберте ждала древнегреческая голова — гипсовая копия Антиноя. Завтра зачёт по академическому рисунку, я штриховала её уже третью неделю. Карандаш лёг в руку привычно, заскользил по бумаге. Штрих, ещё штрих, светотень...

Рисование — единственное, что по-настоящему моё. Первый серьёзный рисунок я сделала в пять лет — портрет деда Миши. Кривоватый, но мама плакала, разглядывая его. По-

том были выставки — Голландия, Москва, Питер. К четвёртому классу я знала: кисть и карандаш — это навсегда.

Я не заметила, как пролетело время. За окном — глубокая ночь. Убрала материалы, потянулась. За дверью — тихие шаги.

— Ты чего не спишь, мелкая? — Свят заглянул, улыбаясь. Обнял меня, поцеловал в лоб. На часах — начало первого.

— Рисовала. Ты как? Попьём чаю?

— Давай.

Мы перебрались в наше место — маленькую комнату с настенным телевизором, креслами-мешками и длинным диваном. Там всегда пахло пылью и почему-то мандаринами. Там мы прятались от мира, когда становилось слишком громко.

Свят заварил чай, плюхнулся в кресло и принялся рассказывать. Про Олю-первую, которая хорошо целуется, но до него встречалась с половиной района. Про Олю-вторую — красивую до умопомрачения, но пустую, как барабан.

— Тогда зачем они тебе? Это нечестно.

— Согласен. Но правда в том, что каждая получает ровно то, на что согласна. Первая сама рассказывала про своих бывших — мы даже шутили... хотя тебе рано о таких шутках. Вторая виснет — а я не против. Она всё понимает. — Он помолчал. — Хорошее отношение нужно заслужить, Дар. Нельзя быть плохим человеком и ждать добра.

— А ты хочешь встречаться по-настоящему?

Он улыбнулся и вдруг покраснел. Мой старший брат —

серьёзный, как борец перед схваткой, — залился краской, будто школьник.

— Есть одна девушка. Видел её раза три в автобусе. Такая... необычная. Короткая стрижка, мелированные волосы, голубые глаза. Одевается смешно. И красиво. Хотел подойти — и не решился. Три раза.

— В следующий раз подойди. Ты же смелый.

— В этот раз другое. Поэтому и боюсь.

— Обещай.

— Хорошо, — он кивнул. — Уговорила.

Мы проговорили ещё час, сидя на диване. Уснула я, кажется, прямо там — утро встретило меня пледом и подушкой, заботливо подложенными братом.

Утро звенело. Зачёт, уроки, а вечером — выступление Свята в спорткомплексе «Орион». Я набрала Нату.

— Привет! Нарисовала?

— Конечно. А ты?

— Так себе. Я же не ты.

Ната Гудкова — моя лучшая подруга с пятого класса. Добрая, мягкая, иногда слишком нерешительная. У неё дома было непросто: отец пил. Когда он уходил в запой, мы забирали Нату к себе на пару дней. Тогда она становилась тихой, сжималась в комок, и мне приходилось вытаскивать её из этого состояния долгими разговорами.

Мы встретились у школьных ворот. Наша школа отличалась от других — здесь учились по направлениям: худо-

жественное, музыкальное, хореографическое, скульптурное. Мой десятый «Б» был художественным. С пятого класса мы с Натой сидели за одной партой. С нами дружили Ваня Иванов — рыжий, веснушчатый, с анекдотом на любой случай, и Никита Литвинов — грустный, задумчивый, третий год безответно влюблённый в Олю Майскую. Сама Оля была первой красавицей класса: длинные чёрные волосы, большие карие глаза и уверенность, которой можно только позавидовать.

В раздевалке мы переоделись в заляпанные краской комбинезоны. Я открыла Натин рисунок и вздохнула: штриховка слабая, пропорции поплыли. Взяла её карандаш, быстрыми движениями исправила тени, вытянула скулы.

— Солнцева, как всегда молодец, — Омар Михайлович кивнул, разглядывая мою работу. — Берите пример. Гудкова — неплохо. Вижу, штриховка стала лучше.

Ната сжала мою руку под партой и прошептала «спасибо».

После уроков мы вышли шумной компанией. Ваня травил анекдот. Никита плёлся позади, глядя на Олю. Оля шла впереди, эффектно встряхивая волосами. Мы договаривались встретиться вечером у «Ориона». Ната, мама, Дима — все собирались поддержать Свята.

И тут я услышала его.

— Эй, Солнцева!

Голос низкий, с хрипотцой. Я обернулась.

У ворот стоял байк. На байке — он. Высокий, широкоплечий. Кожаная куртка нараспашку. Тёмные волосы собраны в

короткий хвост. Челюсть — будто высечена из гранита. Глаза — тёмно-зелёные, с золотистыми искрами. Смотрел прямо на меня — слишком прямо, слишком долго.

— Передай брату: сегодня я его вынесу. Пусть не рассчитывает.

Я выдохнула. Спокойно, Дара.

— Во-первых, меня зовут Дарина. Во-вторых, с хамами вроде тебя я не общаюсь. И в-третьих: мой брат — лучший. Такого, как ты, он уложит в три счёта.

Он спрыгнул с байка. Двинулся на меня — медленно, тяжело. Воздух сгустился.

— Уж слишком ты дерзкая, девочка.

— А ты слишком самонадеянный, — я не отвела взгляд.

— И если ты приехал пугать сестру соперника, могу сделать вывод: ты трус.

Что-то дрогнуло в его лице. Глаза сузились. Скулы заходили желваками. Он схватил меня за руку — резко, грубо — и притянул к себе. Я почувствовала запах: кожа, бензин, что-то терпкое, мужское. Его дыхание — у самого уха.

— Я Макс. Приятно познакомиться, крошка, — шёпот, от которого внутри всё перевернулось. — А братцу передай, чтоб получше тебя воспитывал.

— Отпусти её! — Ваня шагнул вперёд.

Макс бросил на него короткий, уничтожающий взгляд.

— Ещё чего. Буду слушать какого-то мальчишку? — он сжал мою руку сильнее, потом вдруг отпустил. — Встретим-

ся вечером, крошка.

Улыбнулся — нагло, хищно — и сел на байк. Рёв мотора. Через секунду только пыль на асфальте.

Я стояла, растирая запястье, и всё ещё чувствовала его хватку. И запах.

— Кто это? — выдохнула Оля.

— Урод по имени Макс. Сегодня будет со Святом в спарринге.

— Красивый... — Оля облизнула губы. — Эх, я бы с ним замутила. Такое тело... а волосы... дикарь.

— Вечно вы на brutальных западаете, — пробормотал Никита и отвёл взгляд.

Он был влюблён в Олю три года. Безответно. Она знала и не стеснялась этим пользоваться.

— Не заметила ничего привлекательного, — фыркнула я.

Мы ещё немного постояли, обсуждая произошедшее, и разошлись по домам. С Натой договорились встретиться у «Ориона» в половине седьмого.

К вечеру я надела голубые джинсы и чёрно-красную толстовку с логотипом «Зверей». Волосы — белая непослушная копна до пояса. Серо-голубые глаза подвела тушью, губы тронула прозрачным блеском. Смотрела в зеркало и думала: ну чего ты дрожишь? Просто бой. Просто брат. Просто какой-то хам на байке.

У «Ориона» уже толпились ребята из футбольной команды Свята. Я поздоровалась. Краем глаза заметила длинноно-

гую рыжую девицу — та самая Оля, одна из двух.

— Ой, это ты, маленькая сестрёнка? Какая прелесть! Так хотела познакомиться. Я Оля.

— Здорово. Дара, — сухо ответила я.

Подбежала Ната — запыхавшаяся, опоздавшая на пятнадцать минут.

— Прости, Дар! Пробка. И дома с отцом поругались. Телефон сел.

— Что с папой?

— Как обычно. Искал, где достать.

Она опустила глаза. Губы дрогнули. Я молча обняла её. С Натой так было всегда — ей нужны были не слова, а тепло. Мы постояли минуту, потом пошли внутрь.

Мама с Димой уже ждали нас. Дима — лучший друг Свята, программист, добряк, почти член семьи. Они со Святом учились в одной школе. Димка был из тех, кто подставит плечо, не задавая вопросов.

— Девчонки, растёте не по дням, а по часам! — он обнял меня. — Наш сегодня всех порвёт.

— Я к Святу в раздевалку, быстро.

До выступления — двадцать минут. Я бежала по коридору, кивая знакомым тренерам. Толкнула дверь раздевалки.

— Святтик, милый, при...

Застыла.

Напротив стоял он. Полуголый. Полотенце на бёдрах. Капли воды стекали по груди, по кубикам пресса, по смуг-

лой коже. Тёмные волосы распущены, влажные пряди упали на лоб. Шрам на левом плече. И эти глаза. Тёмно-зелёные, с золотом.

— Привет, крошка, — он улыбнулся. — Говорил же, что увидимся.

Я не могла дышать.

— Ты... ты...

— Раздевалки поменяли. Братик не сказал? — он шагнул ко мне. — Или ты хотела увидеть меня?

— Что? Нет! Ты ненормальный!

Я попятилась. Спина упёрлась в холодную стену. Отступить некуда. Он подошёл вплотную, поставил руку рядом с моим плечом, наклонился. Запах геля для душа, кожи и чего-то тёплого, мужского. Его дыхание обжигало щёку.

Он поднял руку — медленно — и коснулся моих волос. Накрутил прядь на палец. Смотрел. И в его взгляде было что-то, чему нет названия. Не злость. Не насмешка.

Тишина. Наше дыхание. Секунда, две, три... десять.

— Выпусти меня, — прошептала я.

— Дара... — он произнёс моё имя тихо, почти нежно.

Дверь открылась.

— Макс, пора... — Виктор Петрович застыл на пороге. Пауза. Он видел нас: полуголый Макс прижимает меня к стене. — Что тут происходит? Солнцева! Не рано ли по раздевалкам зажиматься?

И тут из-за спины тренера появился Свят.

— Что?!

Его голос — сталь. Холодная, острая, беспощадная.

Макс убрал руку. Я отшатнулась.

— Дара, какого хрена? Что здесь делает Богомоллов?

— Я случайно, Свят. Хотела к тебе зайти, а тут всё помешали...

— Быстро в зал! — рявкнул он. Брат никогда на меня не кричал. Никогда.

Я опустила голову и вышла.

Три первых раунда я не видела. Сидела на трибуне, смотрела в одну точку. Перед глазами — картинка из раздевалки. Запах его кожи. Прикосновение к волосам. И голос брата, холодный как сталь.

— В финале: Максим Богомоллов и Святослав Солнцев!

Они вышли на ринг. В одном углу — Свят. В другом — он. Смотрели друг на друга с такой ненавистью, что воздух звенел.

Гонг. Удар.

Свят атаковал первым — жёстко, резко, без разведки. Макс уклонялся, отвечал. Два тела, два характера, две ненависти. Я не могла оторвать взгляд.

— Что со Святом? — мама сжала мою руку. — Он так зол.

— Не знаю, — солгала я.

— Дар, это ведь тот парень, который приезжал к школе? — прошептала Ната.

— Да.

Макс повернулся ко мне. Всего на секунду. Наши взгляды встретились. Он был весь мокрый, капли пота стекали по лицу, по шее, по груди. Красивый. Безумно красивый. И в его глазах — не ярость. Что-то другое.

— Дара, ты вся покраснела, — Ната тронула меня за плечо. — Точно всё хорошо?

— Да.

Удар.

Макс упал. Я вздрогнула. Раз. Два. Три. Четыре. Пять... Сердце сжалось. Семь. Восемь... Вставай. Ну же. Он поднялся. Бровь разбита, кровь тонкой струйкой стекала по лицу. Нашёл меня глазами. Смотрел долго. А потом опустил руки.

Он сдался.

Рёв трибун. Кубок у Свята в руках. А я не могла радоваться. Мои мысли были там — с его соперником.

Богомоллов Максим

Какого чёрта я поехал к школе?

Знал же, что там учиться сестра Солнцева. Видел её однажды на тренировке — белобрысая, мелкая, глаза цвета грозового неба. Решил задеть Свята через неё. Детский сад. Но злость на Солнцева сидела внутри занозой с начальных классов.

С детства нас сравнивали. Отец — Владислав Богомоллов, властный, жёсткий, никогда не скупился на критику — ставил мне Свята в пример: «Посмотри на Солнцева. У него нет отца, а он всего добился сам. А ты? Тратишь мои деньги». Я ненавидел эти слова. Ненавидел отца за них. Ненавидел Свята — просто за то, что он существовал.

Мы боролись за всё: спорт, девчонок, право быть первым. Когда Свят увёл у меня Олю Лепину — ту самую, что сохла по мне с восьмого класса, — я взбесился. Не из-за неё. Из-за принципа. Он опять победил.

Мать я не помнил. Она исчезла, когда мне было семь. Мачеха Лида — холодная, красивая, чужая. Дом — особняк за высоким забором, полный денег и тишины. Семья — фальшивая картинка, где каждый играл свою роль.

И вот теперь — она. Сестра Солнцева.

Я ждал у школы. Курил, смотрел на серое небо. Она вы-

шла — маленькая, худенькая, волосы белой копной до пояса. Подошла. Глянула своими серо-голубыми — и внутри что-то ёкнуло.

«Трус», — сказала она.

Я схватил её за руку. Зачем? Сам не знаю. Она была лёгкой, как птица. От неё пахло лавандой. И этот запах ударил в голову сильнее любого алкоголя.

«Я Макс. Приятно познакомиться, крошка».

Уехал — а в голове звенело: «Меня зовут Дарина».

Весь день думал о ней. Идиот. Она — сестра Солнцева. Ей шестнадцать. Мелкая, дерзкая, несносная. И не выходила из головы.

Вечером, в раздевалке, когда она ворвалась, — я охренел. Стоит передо мной в толстовке с этими дурацкими «Зверями». Глаза огромные, испуганные. Губы дрожат. И меня сорвало. Прижал к стене — и пропал. Лаванда, мокрая прядь волос. Хотелось коснуться. Хотелось поцеловать. Хотелось... много чего хотелось.

«Выпусти меня», — прошептала она.

Я услышал страх. Нет — не передо мной. Перед тем, что между нами.

Тренер вошёл. Свят заорал. Она ушла.

Я стоял как дурак и смотрел ей вслед. Внутри жгло.

На ринге искал её глазами. Она сидела на трибуне — бледная, напряжённая. Смотрела на меня. И в этом взгляде было всё: страх, любопытство, смятение.

Я пропустил удар. Ещё один. Упал.

Судья считал. Я видел только её лицо. Она хотела, чтобы я поднялся. И я встал. Нашёл её глазами и понял: не могу.

Не могу драться с её братом.

Я сдался.

Она никогда не узнает. Но этот бой я подарил ей.

Глава 2. Чужой

Прошла неделя после победы.

Мы со Святом поговорили. Я объяснила ему, как оказалась в той раздевалке, — и брат, всё ещё злой, всё же попросил прощения за грубость. Он никогда на меня не кричал. А в тот вечер сорвался. Я видела, как ему стыдно, и от этого любила его ещё сильнее.

Макса я больше не видела. И это было к лучшему — Свят строго-настрого запретил даже приближаться к Богомолу. Мне не хотелось ссориться с братом. Да и собственная реакция на этого парня пугала до дрожи. Что это было? Страх? Любопытство? Я не знала. И знать не хотела.

С головой ушла в учёбу. Конец года наступал на пятки: академический рисунок, история искусств, черчение, бесконечные просмотры. В мастерской пахло скипидаром и лавандой — я всегда добавляла каплю масла в воду для кистей. Говорила себе, что это для настроения. Врала.

— Солнцева, ты в платье? — Ваня присвистнул, когда я вошла в класс. — Что это тебе в голову ударило?

Ваня Иванов — рыжий, веснушчатый, с анекдотом на любой случай. Добродушный до невозможности. Он смотрел на меня с искренним недоумением.

— Настроение весеннее, — я пожала плечами. — Потеплело.

— Ты, Вань, конечно, мастер комплиментов, — Ната хихикнула. — Мог бы сказать, что ей идёт.

На мне и правда было васильковое платье — плотное, до колен, с чёрным кружевным обрамлением и треугольным вырезом. Невысокие сапожки. Волосы убраны в хвост. Губы тронуты красноватым блеском. Я смотрела на себя в зеркало в школьном холле и не узнавала. Отчего-то сегодня захотелось быть женственной. Красивой. Заметной.

— Красиво, — пробубнил Ваня и покраснел. — Спасибо.

— Вау, Дара! — Оля Майская возникла рядом, окинула меня оценивающим взглядом. — Выглядишь супер.

— Спасибо, — повторила я, уже начиная смущаться от такого внимания.

Оля взяла меня под локоть и потянула в коридор. У неё было лицо заговорщицы. От этого внутри у меня что-то сжалось — предчувствие, которое я тогда не умела распознавать.

— Дар, помнишь Макса? Ну, того, который к тебе приезжал?

Внутри всё оборвалось. Я не могла его забыть. Я пыталась — и не могла. Каждую ночь перед глазами: тёмно-зелёные глаза. Полотенце на бёдрах. Капли воды на смуглой коже. Его дыхание у моего уха. «Привет, крошка».

— Смутно, — солгала я. — Ну, тот красавчик на байке... — она закатила глаза. — В общем, не суть. Мы с ним гуляем. Мир качнулся.

— Поняла, — сказала я одними губами. Голос куда-то пропал.

— Пока ничего серьёзного, но он мне капец как нравится, — Оля поправила волосы. — Я решила тебе сказать, потому что у Макса с твоим братом вражда. Не хочу ставить тебя в неловкое положение.

Ком подступил к горлу. Я проглотила его. Выдохнула. Вдохнула.

— Я поняла, — голос вернулся. Даже слишком уверенный. — Мне нет дела до ваших отношений. Как, уверена, и Святу.

Оля обняла меня и поблагодарила. От неё пахло сладкими духами — приторно, тяжело. Я стояла и думала только об одном: он гуляет с ней. С моей одноклассницей. С моей... подругой.

Уроки пролетели мимо. Я смотрела в окно, делала пометки в тетради, отвечала на вопросы — и ничего не помнила. В мыслях был только он. На задней стороне записной книжки, втайне от самой себя, я нарисовала его профиль. Резкая линия челюсти. Тёмные волосы. И эти глаза — я штриховала их особенно долго, пытаюсь поймать тот самый оттенок.

Мозг отвергал его. Сердце понемногу начинало ныть.

Но я знала: он не для меня.

— Ну, пошлите сегодня в «РОКС»! — Оля хлопнула ладонями по парте. — У меня как раз четыре пропуска.

— Дар, давай сходим! — Ната загорелась. — Ты же зна-

ешь, туда просто так не попасть. Элитный клуб. Тем более без паспорта.

— Я не знаю... Нужно отпроситься у мамы. До восемнадцати — никаких клубов, ты же знаешь.

— Поговори со Святиком, — Оля подмигнула. — Он всё уладит. — И добавила мечтательно: — Там такая атмосфера! Парни как с картинки. В основном дети бизнесменов. Состоятельные.

— Ты была там? — удивилась я. — Ну да, забыла рассказать. Меня Макс водил. Он там суперзвезда, кстати. Как и твой брат. Они там самые крутые.

Опять Макс. Опять это имя. Оно преследовало меня, как наваждение. Как выкинуть его из головы? Как вырвать из сердца этот проклятый крючок, на который я попала в первую же секунду?

— О-о-о, зай, привет! — Оля вдруг расцвела улыбкой. — Я так скучала!

Я подняла глаза.

К нам приближался Богомоллов.

В чёрной футболке, несмотря на прохладу. Джинсы. Берцы. Волосы распущены. Шрам на брови — свежий, ещё розоватый — делал его лицо жёстче, мужественнее. От него пахло бензином, кожей и чем-то тёплым. Я узнала этот запах сразу. Он врезался в память ещё там, у школьных ворот.

— Привет, красотка, — его хриплый голос пробрал до мурашек.

Я подняла голову и встретилась с ним взглядом. Тёмно-зелёные глаза. Золотистые искры. Он смотрел на меня — секунду. Две. Три. А потом резко отвёл взгляд. Будто отрезал.

— Поехали, — бросил он Оле. — Малыш, с тобой хоть на край света! — она подхватила, схватила его под руку.

Макс искоса улыбнулся. Не мне. Ей. Развернулся и ушёл. Оля побежала следом к байку. Рёв мотора — и их не стало.

Я стояла и чувствовала, как внутри что-то падает. Медленно, тяжело, как камень в воду. Он точно не мой. И никогда не был. И не будет. Это к лучшему.

Глупое сердце предательски колотилось.

— Свят, пожалуйста!

Я смотрела на брата глазами, полными надежды. Он стоял, скрестив руки на груди. В спортивных штанах, с полотенцем на плече — только что с тренировки. От него пахло потом и железом.

— Все идут в «РОКС». Если я не пойду, это будет позор. Всех отпускают. Ну пожалуйста.

Он смотрел на меня долго. А потом вздохнул.

— Когда ты так смотришь, я готов на всё. Ладно, попробую.

Конечно, он уговорил маму. С одним условием: «Пойдёшь с сестрой. Пусть будет под присмотром». Свят кивнул, хотя я видела — ему не хочется. Он хотел провести вечер иначе. Может быть, с Леной. С той самой девушкой из автобуса.

Но брат есть брат. Он выбрал меня.

Я влетела в свою комнату. До клуба — два часа. Два часа, чтобы превратиться из школьницы в кого-то, кто имеет право стоять на танцполе «РОКСа».

— Свя-ят!

Он вбежал испуганный.

— Я не знаю, что надеть! И как накраситься! И как себя вести! А вдруг я что-то не так сделаю? А вдруг надо мной будут смеяться?

Он внимательно посмотрел на меня. И расхохотался.

— Окей, — сказал он. — Буду твоей феей-крёстной.

Под песни «Зверей», неумелое пение и хохот мы перерыли весь мой гардероб. Он доставал вещи, крутил их в руках, прикладывал ко мне, хмурился. «Нет, это слишком детское». «Это слишком тёмное». «Это — супер». Через полтора часа в зеркале стояла незнакомка. Чёрное платье с открытыми плечами. Кожаная куртка сверху. Ботильоны — неудобные, но красивые, а красота требует жертв. Волосы накручены и лежат крупными локонами. Глаза — тёмные, выразительные, скулы — чёткие. Я смотрела на себя и не узнавала.

— Ух, сестрёнка, — присвистнул Свят. — Мы с тобой перестарались. Теперь весь вечер придётся от тебя парней отбивать. Красивая.

Я повернулась и крепко обняла его.

— Спасибо, родной.— Стоп, только не реветь, — он мягко отстранил меня. — Ты у меня супер. Буду гордиться, что у меня сестра — такая красотка.— Я тебя обожаю.— Пошли.

Откроем для тебя ночную жизнь.

В «РОКС» мы приехали к полуночи.

Клуб высился в темноте, как стеклянный корабль. Из открытых дверей вырывались басы — низкие, утробные, они били прямо в грудь. Охрана на входе кивнула Святу как старому знакомому. Брат уверенно провёл меня внутрь, придерживая за плечо.

Ната с Ваней уже ждали. На подруге было бордовое платье с длинным разрезом — шикарное, взрослое. Я даже засмотрелась.

— Нат, ты выглядишь супер! — я обняла её и шёпотом спросила: — Волнуешься? — Ещё бы. Сильно. — А где Оля? — Она со своим парнем. Скоро придут.

Со своим парнем. С Максом. Я кивнула, будто это ничего не значило.

Вокруг Свята мгновенно собралась толпа. Парни жали ему руку, девушки висли на плечах — он отстранял их по очереди, спокойно, без интереса. В центре внимания он чувствовал себя как в ринге: собранный, лёгкий, неуязвимый.

— Дара, иди сюда! — он махнул мне. — Познакомьтесь. Моя любимая сестрёнка, Дарина.

Рыжий парень — тот самый, что поздравлял Свята с победой, — присвистнул.

— Вау, какая девушка. Настоящее сокровище. Костя.

Он взял мою руку и поцеловал. Галантно, но как-то слишком картинно. Парни вокруг с интересом разглядывали ме-

ня. Девушки — совсем наоборот.

— Никому не позволю обижать сестру, — заявил Свят. — Она сегодня тут принцесса. — Я могу быть рыцарем, — с серьёзным видом предложил Костя. — Кастян, — раздалось позади, — ты скорее на Кощея похож, чем на рыцаря.

Хриплый голос. Я вздрогнула. Он тоже здесь.

Богомоллов стоял в двух шагах. Тёмные джинсы, белая рубашка облегла плечи. Дорогое пальто, серебряные часы на запястье. Волосы распущены, переливаются в свете неона. Выглядел безупречно. И только глаза — потухшие. В них поселилась тоска, которую он прятал за усмешкой.

— Богомоллов, ты как всегда вовремя, — процедил Свят. — Хотел тебе как раз сказать: не подходи к Даре. Я не забыл твою выходку в раздевалке. Увижу подобное — убью.

— Солнцев, успокойся, — Макс даже не взглянул на него. Он смотрел на меня. — Не нужна мне твоя мелкая. Мне своих баб хватает.

Пощёчина. Словами. Я почувствовала, как внутри всё обрывается, и тут же разозлилась на себя за эту боль.

— Не переживай, Свят, — сказала я, глядя Богомоллову прямо в глаза. — Я не подойду к этому хаму.

Он усмехнулся. Криво, горько. И ничего не ответил.

Костя предложил угостить меня соком — вовремя осёкшись с «коктейлем». Я отказалась. Мы с ребятами двинулись внутрь, на второй этаж, в VIP-зону.

Клуб был помпезным: кожаные диваны, мини-бар, подиум-

мы с шестью, терраса с видом на ночной город. Мы заняли угловой столик. Свят принёс бутылку шампанского — «попробуй, но много не пей», — и ушёл к какой-то красивой девушке.

— А-а-а, ура, котики! — Оля возникла из ниоткуда с бокалом. — Мы в клубе! Поднимем бокалы за наш дебют! Сегодня ночь веселья! Ура!

Я сделала глоток. Пузырьки защекотали нёбо. Алкоголь ударил в голову теплом.

— Танцевать всем! — Оля потащила всех на танцпол.

Я спустилась вслед за ребятами. Музыка играла мелодичная — не быстрая, тягучая. Я закрыла глаза и начала двигаться в такт. Тело растворялось в ритме. На минуту стало легко. На минуту я забылась.

Чьи-то руки легли мне на талию сзади.

Я резко открыла глаза. Передо мной стоял парень — светловолосый, голубоглазый, с обворожительной улыбкой. Лет двадцати. Он двигался в такт музыке, слегка касаясь меня, и смотрел прямо в глаза.

— Влад, — представился он. — Как тебя зовут, малыш? — Дара. Я хотела... — Ты очень красивая, Дара. Меня притянуло к тебе. Извини, если задел. Подари мне этот танец.

Молодой. Красивый. Вежливый. Почти идеальный.

— Извини, я хотела потанцевать одна. — Такая красивая девушка не имеет права танцевать одна. — Она не одна. Не беспокойся.

Богомоллов возник из ниоткуда. Я не заметила, как он подошёл. Просто секунду назад его не было — и вот он уже стоял между мной и Владом. Нагло. Уверенно. Его рука легла на мою талию — тяжело, горячо.

— Богомоллов? — Влад удивлённо поднял бровь. — Я не знал, что вы... — Теперь знаешь.

Влад посмотрел на меня, потом на Макса. Кивнул и исчез в толпе.

Я хотела возмутиться — но не успела. Макс рванул меня к себе. Его ладони легли на мою талию. Плотно. Жарко. Я чувствовала его тело — грудь, дыхание, каждый мускул под тонкой тканью рубашки. Он был горячий, как печка. И пахло от него — гель для душа, кожа, что-то тёплое, мужское.

Медленно, сама того не замечая, я начала двигаться с ним в такт.

Его ладони скользнули по спине. Плечи. Шея. Он смотрел на меня — пронизательно, глубоко, будто заглядывал внутрь. Мои руки легли на его плечи. Я коснулась его волос — мягкие, влажные после душа. Внутри всё переворачивалось.

Сейчас мне казалось, что надёжнее этих объятий нет ничего. Что он — мой.

Мысль резанула.

Оля. Брат. Вражда. Что я делаю?

Я оттолкнула его. Резко. Он не ожидал — пошатнулся. А я уже бежала сквозь толпу, расталкивая чужие плечи. Слезы

згли глаза. От боли. От обиды. От того, что поняла окончательно: я влюбилась.

Терраса была пуста.

Апрельский ветер резанул по голым плечам. Холодно. Ещё слишком холодно, чтобы стоять здесь в одном платье. Но мне было плевать. Я глотала воздух, хваталась за стеклянные перила и пыталась не разреветься в голос.

— Чёрт, что я делаю? — прошептала. — Какая же я глупая.

Отошла в угол. Прижалась лбом к холодному стеклу. Зачем я танцевала с ним? Зачем так близко подпустила? Я сошла с ума. Точно сошла с ума.

Шаги.

Я узнала их сразу. Его шаги. Его запах. Он остановился у меня за спиной. Ничего не говорил. Просто стоял. А потом его рука легла на мои волосы — нежно, едва касаясь.

— Малыш, — его голос прозвучал хрипло, тихо. — Тише. Я здесь. Слышишь? Я с тобой.

Слёзы хлынули с новой силой.

Он прижался ко мне со спины. Обхватил руками. Я почувствовала его тепло — даже сквозь куртку. Меня трясло. От холода. От эмоций. От него.

— Прости меня, малыш. Только не плачь. Я этого не стою.

Его голос был тихим, нежным, родным. Он наклонился к моей шее. Вдохнул. Замер. И прижался горячими губами — поцеловал. Раз. Ещё раз. Выше. Ещё выше. К уху.

— Дара... — он сжал меня сильнее.

Мы застыли. На минуту. На вечность. Время оборвалось.

Когда я снова смогла дышать, то спросила только одно:

— Зачем?

Он развернул меня к себе. Взял моё лицо в ладони — большие, горячие, чуть шершавые.

— Зачем ты здесь? Зачем это всё? Зачем? — Я не знаю, малыш. Не знаю. — Ты ненавидишь моего брата. — Да. Наверное, да. — Ты встречаешься с Олей. Она моя подруга. — Да. — Тогда зачем? Зачем ты здесь? — голос сорвался на крик. — Я не знаю! — он сжал моё лицо сильнее. — Я не хочу этого знать!

Его лицо приблизилось. Губы — в сантиметре от моих. Я почувствовала его дыхание.

— Нет! — закричала я. Оттолкнула его. — Нет, Богомоллов! Ты не имеешь права так поступать со мной! Ты — идиот! Самовлюблённый баран, который думает, что все девушки мира в него влюблены! Нет! Уходи к Оле, она тебя ждёт! А ко мне не смей подходить! Слышишь? Не смей!

Он смотрел на меня. Грудь вздымалась. Желваки ходили.

— А я один виноват? — закричал он в ответ. — Я — гад, а ты — святая невинность? Ты сама стояла здесь со мной! Сама танцевала со мной! Тогда сама скажи — зачем это всё? — Я не знаю! Я не хочу знать! — Дара! — Прощай.

Я ушла. С этой террасы. Из этого клуба. Из этой истории.

Меня не интересовала вечеринка. Хотелось одного:

уехать. Сбежать. Забыть его лицо. Забыть поцелуи на шее. Забыть всё.

— Сестрён, с тобой всё хорошо? — Свят возник рядом. Нахмуренный, встревоженный.— Да, Свят. Всё хорошо. Я хотела вызвать такси и поехать домой.— Окей. Устала? Пойдём, выйдем на улицу.

Мы вышли, не прощаясь. У входа ещё стояли люди. Чуть правее — Влад.

— Владя, привет! — окликнул его Свят. — Не видел тебя сегодня. Уезжаешь?— Приветствую. Да, домой поеду. Настроения нет, — он посмотрел на меня. — О, а я смотрю, ты у Богомолова девушку увёл?— Что? Никого я не уводил. Ты про Ольку?— Это? — Влад кивнул на меня.— Это моя сестра, Дарина.— Сестра?! — он выдохнул. Кажется, с облегчением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.